

Елена Небесная

ФАТУМ

В сборник «Фатум» Елены Небесной вошли восемь рассказов, разнообразных по тематике, но объединенных остротой сюжета и драматизмом. Читатель сможет окунуться в мир мистики, где рядом с людьми обитают русалки и демоны, а реальный мир оказывается всего лишь иллюзией.

Рассказы Елены Небесной понравятся истинным любителям мистического хоррора, ведь в них никогда не знаешь, что ждет тебя за углом на темной сельской улице или что скрывается на дне озера. Но эти захватывающие и волнующие рассказы еще и о настоящей любви и преданности, о поисках смысла бытия и о выборе, который может навсегда изменить жизнь.

Елена Небесная

Фатум

Фатум

Было холодно. Ночной перрон большого города и одиноко стоящая фигурка. Вокруг были пассажиры и провожающие, но она была обречённо одинокой, и казалось, весь мир отгородился от неё, как-то забыл и почти вычеркнул из своего бытия. Это было заметно. Подошёл поезд. Фигурка встрепенулась и медленно пошла в толпу садящихся пассажиров. Вагон был общий, душный и грязный. Вот место. Опять оцепенение. Наконец перрон вздрогнул и медленно поплыл: начался дождь, и косые струи заплакали по стеклу. Громкий и сиплый голос проводницы привёл в чувство и вернул в реальность: давайте ваш билет, куда едете?! Ах да... Лена начала искать его. Боже мой! Куда же он девался? Он был в руках, когда она садилась на поезд, и проводница его уже видела. Она опять, наверное, положила его обратно, в сумочку, а там и деньги, и документы на поступление в институт. Сумочка... но её на плече не оказалось. А дальше — опять противный звон в ушах и сквозь пелену — лицо подвыпившей проводницы, бурно жестикулирующего начальника

поезда и угроза высадить на первой же станции, голоса сочувствующих пассажиров. Но не было билета, не было денег на покупку нового, значит, не было и права ехать. Что-то не пускало её туда, до намеченной черты, не давая возможности начать новую жизнь, что-то тащило назад, хватая за горло, мешая сказать какие-то слова в своё оправдание, начать просить, плакать, хоть что-нибудь сделать, вызвать сострадание и выпутаться из этой нелепой ситуации.

Опять перрон, мокро и одиноко, маленький убогий вокзал, бессилие от невозможности что-либо предпринять. На этой крохотной станции не было даже милиционера. Хотя это ничего не меняло — она не в силах была бы объясниться с ним. Наконец после долгих хождений туда-сюда по перрону, Лена, опустившись на влажную вокзальную лавку, заснула. Сон был сплошным запутавшимся и затянувшимся кошмаром с небольшими периодами передышек и погружений в неистовые ужасы.

Вот отчим с топором, как в детстве, гоняется за ней, грозясь убить. Слезы мамы. Вот любимый её предаёт и бросает в глаза, что уходит к другой, какие-то похороны, расплывающиеся лужи крови, медленно обволакивавшие её, и уродливые рожи вокруг, тянущиеся к ней. Бред закончился с первым

лучом солнца, скользящего по лицу. Лена проснулась. Надо было что-то делать, куда-то идти...

Вокруг вокзала располагались дома небольшого посёлка. Они стояли по обе стороны большой, очевидно, центральной улицы. Там, за заборами, начиналась утренняя жизнь, спокойная и обыденная, но какая-то очень отстранённая, как в кино. Эта окружающая жизнь её не касалась: она была рядом, но её уже как бы не было в ней. Казалось, её даже никто не замечает вовсе. Ноги несли куда-то её тело, но не было желаний, ничего не хотелось. Куда она идёт? Зачем? Вот и посёлок закончился, началась роща. Нежные ветви берёз касались иногда лица, но тоже, как в кино, не вызывали никаких ощущений. Она уже давно думала о смысле жизни, боролась и цеплялась за неё, пыталась как-то существовать. Иначе и не назовёшь эту её жизнь — вечная балансировка на канате и неизменное падение, и снова канат, с тупиком в конце, и всё нужно начинать сначала. У неё нет больше сил, ей не просто не везёт — это что-то другое... Лена остановилась, сердце её билось в груди как-то медленно. Холодный пот выступил на лбу. Она вдруг поняла, что стоит у последней черты: позади развалины, впереди бездна. Её душа спокойна, она почти смирилась с этим. Всё вокруг, как во сне, начало замедляться.

Вот она ступила на железнодорожное полотно, скорее выкарабкалась на него по насыпи, и так быстро! Как это у неё получилось? Галька скрипит под ногами, гудок подходящего поезда, вот она — «черта» — нужно просто расставить руки и шагнуть или просто стоять и ждать... Вот он конец всему, а может быть, начало?!

«Лена! Лена!» Истошный крик как из фильма ужасов пронзил пространство. Кто может её знать здесь, кто посмел оторвать её от «черты»?! Осталось только лишь переступить!

Полная женщина бежала ей навстречу, истошно выкрикивая её имя, незнакомая совсем. Вот уже рука её потянула за плечо, пухлая, сильная. «Чего удумала? Ты ещё пригодишься в этой жизни, красивая, молодая, здоровая, иди за мной!»...

Вот, шаг от «черты» в сторону, назад, зачем?!

Реальность опять обрушилась тяжким грузом, но за ней пришла надежда. Женщину звали Марина. Она стащила Лену с насыпи и, увлекая её за собой, стала уверять, что кошмар закончился и теперь, оказавшись в надёжных руках, та будет иметь всё: и работу, и кров, и надежду на будущее. Окружать её будут «сёстры» и «братья» по несчастью, такие же, как и она сама. Якобы на Марину снизошло озарение: так она узнала её имя и что произойдёт, если ей не вмешаться и не перехватить её на краю пропасти. Она уже не одну душу вот так караулит и

выхватывает у бездны. Объяснять ничего не требовалось, и на душе у Лены стало спокойней.

Вскоре они с Мариной подошли к какой-то стройке, посередине зиял огромный свежевырытый котлован, вокруг которого жались аккуратные голубенькие вагончики с красивыми пёстрыми занавесками. Остановившись возле одного из них, Марина постучала. Их попросили войти. Внутри был полусумрак. В углу за маленьким столом сидела женщина. Даже сквозь неясный свет бросилось в глаза, насколько она была грациозна и красива, как пантера перед прыжком. Женщина на секунду подняла голову от работающего компьютера, и Лена ощутила, как холодок пробежал по её спине — настолько бездонным и одновременно испепеляющим был её взгляд. Опять склонившись над монитором и уже не отрываясь, она как бы вскользь спросила Марину, вовремя ли та успела и, не дожидаясь ответа, проронила с улыбкой: «Вопрос глупый, если вы здесь»... Марина, выдержав паузу, начала сбивчиво объяснять от имени хозяйки, что Лене больше не надо волноваться, что она теперь в семье. Всё было загадочным и малопонятным, но ей был обещан отдых и надежда, что всё устроится...

И всё устроилось. Прошло несколько дней. Лена пришла в себя. Она понемногу осваивалась на новом месте и привыкала к новой жизни. «Семья»

— это была всего лишь большая стройка, где «родами» были разные строительные бригады — отдельно женские и отдельно мужские. Ими всеми руководила та прекрасная и строгая начальница, в вагончик к которой её приводила Марина в первый день их знакомства. В таком же вагончике поселили и её, но только гораздо большем, так как там уже жили шесть девушек и Марина тоже. Марина была бригадиршей и старше их всех по возрасту. Ей было лет тридцать пять — сорок. Остальные девушки были молоды — от восемнадцати до двадцати пяти лет, крепкие, здоровые. Они быстро обучили Лену всему тому, что умели сами — штукатурить, малярить и другим специальностям, необходимым на стройке, всему тому, что она никогда не умела и даже не думала, что может научиться. От природы ей досталась тоненькая изящная фигурка, не приспособленная к физическому труду, и романтическая натура. Мечту поступить сразу же после школы в гуманитарный вуз не дали осуществить вечные семейные неурядицы и окончательная ссора с отчимом, который выгнал её из дома. Скитания по квартирам, «летания» по работам то секретарём, то посыльной, укрепили ее в убеждении, что поступить в институт — это единственное, на что стоит тратить силы. Очувшись на этой стройке, она обнаружила в себе новые возможности и таланты.

Жизнь текла обыденно. Работа, отдых, еда. Был подписан контракт на два года работы на стройке. Им выдавался небольшой аванс на еду и одежду, остальные деньги одной суммой будут выплачены, когда закончат объект, через два года. Поэтому Лена не торопилась жить. Было время медленно ждать счастья, когда закончится эта непривычная и, в принципе, чужая ей жизнь, и она опять приблизится к своей мечте — стать тем, кем она хочет и на что претендует её самолюбие.

Но среди этой обыденной жизни происходило много странного и необъяснимого; всё время возникали вопросы, на которые невозможно было получить ответ. Как Марине удалось спасти Лену от самоубийства? В быту она оказалась очень вульгарной, самоуверенной и грубой особой. В конце каждой недели она устраивала жуткие попойки с другими бригадиршами, которые заканчивались издевательствами и унижениями избранных ими более слабых и тщедушных жертв. О каком человеколюбии и доброте тут можно вообще говорить?! Но надо отдать должное железному порядку, что царил на стройке. Все вольности и гуляния допускались только в выходные дни. Что касалось работы, все было организовано на высшем уровне и все чётко знали свои задачи. И те же бригадиры, что расслаблялись на досуге, были профи и ответственно относились и

к работе, и к порядку, царившему на стройке. Суровыми были и наказания за любые непослушания и погрешности в работе: людей держали на хлебе и воде, заставляли сутками сидеть в тёмном помещении, а того, кто сильно сопротивлялся строгому укладу или хотел покинуть стройку, неизменно водили к начальнице в вагончик, после чего человек становился другим. Он менялся после этого визита до неузнаваемости — становился послушным и беспрекословно подчинялся. Что делала с нарушителями начальница, оставалось загадкой. Но то, что над людьми не проводилось никаких телесных экзекуций, было очевидно — заметить какие-либо следы от побоев или каких-то увечий у значительного количества побывавших там штрафников было бы трудно. На стройке трудилось, по меньшей мере, человек двести разного разношерстного люда, но кроме панического страха побывать «на ковре» в злополучном вагончике главной леди, которая восседала там за своим компьютером, как королева на троне, никаких других объяснений никто не давал. И имя у неё было странное — Агнесса Георгиевна. Оно совсем не подходило ей, очень молодой, почти девчонке. Не лепилось к её хрупкой, точеной фигуре даже то, что нужно было называть её по имени-отчеству. Никто не слышал,

чтобы она повышала на кого-то свой голос, ни при каких обстоятельствах, что бы не случилось, но все знали одно: она здесь главная, более того, она владычица. Одевалась Агнесса тоже весьма странно: всегда в брюках, типа галифе, безукоризненно сшитых, в сапогах почти до колен и с тросточкой в руке — ну чистая «гестаповка». Так и называли её все за глаза.

Лена была прилежна в работе и приятна в общении. Она быстро подружилась со многими на стройке, а больше всех с Аллой, весёлой хорошенькой блондинкой, немного старше, чем она. Единственным недостатком подруги были два недостающих зуба спереди, отчего та была похожа немного на жертву пьяного кутежа. Но та не говорила про причину своей потери, а Лене не хотелось бесцеремонно лезть ей в душу, потому ещё, что и Алла не докучала ей своими расспросами. Лена быстро привыкла к такому облику своей подруги, сразу взявшей её под свою опеку. Что лучше не попадаться на глаза Агнессе, Лена усвоила и без дружеской подсказки.

Так прошёл месяц, другой. Стараясь не задавать лишних вопросов, Лена всё же многое поняла. Их организация получает подряды на строительство домов, но чаще строит под заказ. Строит быстро, добротнo и недорого, в основном сначала на свои средства, а потом на деньги

заказчиков. Люди покупают себе квартиры в еще недостроенном доме по заниженным ценам — весьма доступный вариант для молодых семей. Ведь те же квартиры после сдачи дома, подорожав почти вдвое, будут мало кому из них по карману.

И этот такой выгодный и весьма хлопотный бизнес держит в руках их Агнесса?! Маловероятно, она скорее лишь играет роль великой начальницы. Но тогда почему её все так боятся? Так размышляла Лена одним долгим осенним вечером. Дождь монотонно моросил за окном, как тогда на вокзале. Стало неуютно, а с открывшейся двери, пропустившей еще больше ненастья в вагончик, вынырнула ещё одна неприятность в образе Марины — её срочно требовала к себе сама «королева». По спине пробежал холодок от такого неожиданного приглашения, но пришлось овладеть собой и следовать за бригадиршей. В голове стучал один вопрос: что она сделала не так? Перебирая в памяти всё прожитое, но всё же не найдя ответа, она вдруг очутилась перед знакомым вагончиком начальницы. Марина, распахнув дверь вагончика, осталась снаружи, кивком головы предлагая Лене войти. Внутри было довольно тусклое освещение и, проронив «здравствуйте», она не сразу рассмотрела Агнессу: та сидела за столом, склонившись над какими-то бумагами. Наконец, оторвавшись от них, она остановила свой взгляд на застывшей у порога

фигурке девушки. Этот взгляд был спокойным, но каким-то зловещим и неприятным, пронизывающим насквозь. А вот и нет в ней ничего страшного, успокаивала себя Лена, главное не бояться. «Не бойся, — проронила начальница, продолжив её мысли, — ведь ты ни в чём не провинилась, впрочем, не отличилась никак тоже. Хотя мне такой помощник как раз и подойдёт — будешь моим секретарём», — прозвучало как приговор. Вот и всё. Остался в душе только осколок её взгляда и ощущение, как у края пропасти...

Жизнь стала немного другой и потекла быстрее. Лене пришлось привыкнуть и к экзальтированной внешности, и к неприятному взгляду своей начальницы. Теперь приходилось не только работать с ней рядом, а и сопровождать её повсюду, на разных встречах, приёмах, кабинетах разных начальников. Вне стройки Агнесса Георгиевна оказалась немного другой, как и предполагалось. К приятному удивлению, она была изысканной модницей, менявшей каждый день наряды, жила в роскоши люкса прекрасного частного отеля в областном центре и ничто человеческое ей было не чуждо. Конечно, это все скрывалось за семью печатями, и Лене оставалось только догадываться, какими удовольствиями пользовалась их строгая «королева стройки» в своей двойной жизни. Приходилось помалкивать и

скрывать и от девчонок, и от подруги Аллы о своих открытиях, так как инстинктивный страх перед Агнессой не покидал её никогда, даже когда та становилась иногда расслабленно доброй и одаривала её подарками. Она чувствовала себя как укротитель рядом с пантерой: один неверный шаг и... всегда на краю. Неизменной её начальница оставалась лишь на стройке, со своими подчиненными, всегда в одном облики. Следуя за ней повсюду, не удавалось Лене никогда только одно — присутствовать на её экзекуциях, — её всегда отсылали с каким-то поручением.

Шло время, просто бежало. Подходил срок окончания контракта. Всё было хорошо, но вот кошмары по ночам опять вернулись. Лене начали сниться всё те же страшилки, что и в прежней жизни, опять заставляя сражаться каждую ночь с монстрами и демонами, но теперь это якобы происходило всегда в одном месте — вагончике, где восседала на своем стуле, как на троне, зловещая Агнесса. Но, несмотря на эти страшные ночи, каждый приходящий день приносил столько оптимизма и радости, что оправдывало все её переживания, связанные с ними. Однако была ещё одна причина, волновавшая её, которую она боялась больше своих кошмаров. Это было счастье, внезапно обрушившееся на неё, как лавина, простое человеческое счастье, о котором мечталось, но не

думалось, что оно может быть совсем рядом.

Раньше все эти дни работы на стройке заканчивались обычно ночными грёзами о новой жизни, вернее о возвращении в обычную жизнь. То, что с ней сейчас происходило, было похоже на какую-то фантасмагорию или мираж, который длился уже почти два года. И вот цель близка — какой-то месяц до завершения строительства и её контракта, у неё будут деньги и свобода! Это даст ей возможность восстановить документы, попробовать опять поступить в институт, вновь обрести все права на существование. Но то, что ворвалось в её жизнь совсем недавно, потихоньку отодвинув сладкие грёзы на второй план, совершенно изменило и взбудоражило её до этого почти спокойное бытие. Это была любовь. Его звали Алексей. Вообще-то на стройке запрещались всякие симпатии и любовные похождения, но у Лены и Алексея не было ничего, кроме пары взглядов, заставивших их заинтересоваться друг другом. Оба потом стали искать повод для встреч, якобы случайных, и Лена всё чаще стала замечать, как мысли о нём заполнили её дни и ночи. Всё чаще теперь она вспоминала своего бывшего возлюбленного Рому, думы о котором были уже не так горьки и в сердце не вонзались, как прежде, тысячами маленьких иголочек. Она сравнивала, сопоставляла его с тем другим и была рада, что

вновь возникшее чувство почти залечило её душевные раны. Рома во многом проигрывал Алексею — и ростом ниже, и лицом не краше, и вообще ей очень повезло, что вот такой парень достаётся именно ей.

Появившись на стройке приблизительно в то же самое время, что и она, её теперешний избранник был таким же неудачливым самоубийцей, решившим свести счёты с жизнью из-за несчастливой любви. Его не дождалась из армии девушка, вышла замуж за его лучшего друга, и Алексей, не выдержав двойного предательства, бросился с моста в реку, где и был выловлен «волонтёрами», и вновь возрождался к жизни в этом строительном «улье», как и она сама. Всё это ей поведала Алла, и Лена вынуждена была поделиться распиравшими её сердце радостными переживаниями с лучшей подругой. Та с упоением рассказывала ей, что с тех пор, как Алексей появился на стройке, высокий стройный красавец, девушки наперебой старались понравиться ему, но, наверное, его сердечная рана была так глубока, что ни одной из них не удалось обратить на себя его внимание. Что греха таить, и она сама сохла по нему. «Но всем известна моя проблема, — сказала Алла, прикрывая рукой рот с выбитыми передними зубами, — с таким «фасадом»... Подруга грустно замолчала, но, встрепенувшись, спросила, почему

Лена так поздно заметила его на стройке и как он обратил внимание на неё. Лене удалось уйти от назойливых расспросов, так как её позвали к патронессе. По пути она ещё долго думала и об Алексее, и об Алле. У её сердечной подруги тоже была мечта — попасть наконец к дантисту и вновь обрести свою лучезарную улыбку, которую она якобы потеряла на этой стройке, упав как-то с лесов. Лена знала, что это обман — Марина однажды обмолвилась очень мудрёно и непонятно, что вот этими зубами она заплатила за своё пребывание с ними уже не на первой стройке. Но уличить Аллу во лжи и допытываться об истинной правде она не стала, боясь обидеть своего единственного друга и единственную опору в теперешней такой не простой жизни.

Она столкнулась с ним однажды. Оба несли какие-то документы, которые внезапно налетевший ветер выхватил из их рук и разбросал на близлежащем газоне. Алексей начал их собирать, потом подошёл к ней и они впервые заговорили. Так, ни о чём — о погоде, о быстро пришедшей осени, а потом он вдруг сказал, что полюбил её, как только увидел. Вечером они встретились в условленном месте, под старой разросшейся липой у самого забора, что отделял их стройку от внешнего мира. Рассказав друг другу свои истории, они поняли, как много в них общего и как

родственны их души. Алексей говорил, что хочет забыть свою прошлую жизнь, и прошлую любовь он воспринимает, скорее, как ночной кошмар — не любовь это была вовсе. Он давно уже понял, каким должно быть истинное чувство, встретив её. Также рассказал, что у него в ближнем селе живёт тётка, очень добрая и хорошая, и его помыслы все туда, но только с ней, Леной, есть смысл осуществлять всё новое, задуманное. Это признание было ожидаемым, но таким внезапным, что Лена в ответ только кивала головой и глупо улыбалась — ей так было приятно, что теперь у неё появился человек, думающий и решающий что-то за неё. Да, она согласна...

Действительность стала другой, конкретной, осязаемой. Всё устраивалось как нельзя лучше, но вот только какая-то необъяснимая тревога, от которой щемит сердце, не даёт ей покоя. Ах да! Случайно оброненная фраза всплыла в памяти — «ночной кошмар». И у него?! Не может быть, хотя, почему бы и нет — он много пережил и испытал. При первой же встрече она спросит его обо всём, а сейчас спать, — так размышляла поздним вечером Лена, лежа в постели после долгих часов беготни за своей начальницей. Сильно болели ноги, просто пекли огнём подошвы — ведь целый день на каблуках. Так она и заснула с этой болью, ощущая её даже сквозь сон. Ноги... они занемели и

совершенно не слушаются её, и брести по высокой, по колону, мокрой росистой траве так невыносимо тяжело! Полная, кроваво-красная луна озаряет всё вокруг безжизненным холодным светом, а она всё бредёт по траве, как по болоту. Вот недалеко вырисовывается, как из тумана, дверь, она приоткрывается, а Лена приседает, прячась в высокой траве, шелестящей перед глазами, но ей всё видно. По тропинке, пролегающей рядом, Марина ведёт кого-то. Дверь открывается на всю ширину, пропуская их, и так и остаётся открытой. Внутри светло. За столом сидит Агнесса со своей плетью в руках, уныло смотрит на вошедших. Девушка, оставленная Мариной, совсем незнакомая, стоит, опустив плечи и голову. Она что-то сбивчиво тихонько говорит и вся дрожит, очевидно, от волнения. Внезапно начальница встает, и из её глаз вдруг вырывается сноп искр, с треском обрушиваясь на голову девушки. Но не это было самым страшным — Агнесса быстро подошла к трясущейся жертве и вонзила свой стек прямо ей в сердце. На пол вагончика закапала кровь. Затем стек молниеносно был вытащен из груди девушки, и кровь перестала капать. Вернувшись на своё место, начальница томно опустилась на стул. Несчастная жертва, бледная, как смерть, постояла ещё немного в оцепенении, потом, приложив руку к кровавленной груди, послушно последовала за

Мариной прочь. Созерцая происходящее, оцепенев от ужаса, Лена перевела взгляд на Агнессу — та сидела спокойно, о чём-то размышляя, и только стек в руке нервно стучал об её ногу. И тогда перед ней открылся весь кошмар: это был змеиный тонкий хвост с остриём на конце, ещё красным от крови. Так это им, а не стеклом, как ей показалось раньше, она пробила сердце девушки!!!

Тёплый ласковый луч коснулся мягким оперением света её лица, пробежал по ресницам, погладил подбородок. Открывать глаза не хотелось, но нужно было вставать. Очередной страшный сон, разбитое тело, как после реальных ощущений, — это её обычное состояние по утрам в последнее время. Как хорошо, что впереди её ждёт хлопотливый день и так далеко до очередной ночи, будет время забыть о страшных подробностях.

День выдался очень тяжёлым, принесся много работы. Глаза болели и от чтения документов, и от компьютера. Дом вот-вот должны были сдать. Они с Агнессой метались по всем инстанциям, документы подписывались, всё близилось к окончанию работ. Вернулись на стройку уже поздно. Яркая полная луна, отливая красным светом, горела в небе, освещая всё вокруг. Как во сне, приснившемся накануне. Агнесса Георгиевна была счастлива и весела. Через несколько дней она сдаёт этот объект и уже получила подряд на

строительство нового, да ещё в Москве. Вот так удача! Деревня эта её совсем заела, и она стала мечтать вслух, как она развернётся уже там, в столице. Лена робко спросила, есть ли инвестор для такого большого строительства, ведь после выплат всем строителям по контракту остаётся не так уж много денег на счету. Она давно научилась разбираться в этой сложной бухгалтерии и многое понимала. Начальница, одарив её неожиданно тёплым взглядом, уверенно ответила, что деньги найдутся и это для неё не проблема. Дальнейших объяснений не последовало, и Лена наконец была отпущена отдыхать. Вернувшись в свой вагончик, она застала всех спящими и, свернувшись калачиком на своей постельке, предалась мечтам о завтрашнем дне. Завтра будет гораздо спокойнее, и её, наверное, оставят на стройке, она сможет увидеть своего возлюбленного, и им никто не помешает уединиться и вместе помечтать о будущем.

Сна не было. Было сразу пробуждение. Какие-то голоса, шум отъезжающих машин. Все ещё спали, и Лена тихонько вышла из вагончика в раннее утро. Вдруг она поняла: что-то произошло за эту ночь. Кое-как одевшись, решив немедленно пойти к Алексею, неслась она по росистой мокроте прямо к мужской половине лагеря. Подойдя к воротам, Лена оторопела: настезь распахнутые

ворота никто не охранял. Никого не оказалось ни в самом лагере, ни в вагончиках — она опоздала...

Целый день прошёл в попытках узнать, куда делся Алексей вместе со всеми мужскими бригадами. Никто толком ничего не говорил, и пришлось дожидаться Агнессу Георгиевну, которая впервые поехала по делам, не взяв её с собой, но та так и не появилась. Прошла бессонная ночь. Утром должны были сдавать дом. Лена, не найдя Агнессу на её рабочем месте, надеялась встретиться с ней на объекте. Там уже начал собираться народ и какие-то машины все подъезжали и подъезжали, но Агнессы не было видно нигде. Не удавалось также отыскать никого из начальства, как она не старалась, бегая по этажам нового дома. Наконец-то её поиски увенчались успехом: в одной из комнат третьего этажа она увидела девчонок со своей бывшей бригады и даже Марину с ними. Они устроили настоящий пир, с тортом и шампанским. Все радостные и весёлые. Её подруга Алла с бокалом в руке произносит тост за окончание стройки — пришлось и ей немного выпить за такое событие. На вопрос, что произошло в лагере ночью, Марина сказала, что с мужчинами всегда так поступают в конце стройки — они заранее уезжают на новое строительство — и что не надо волноваться, Алексей сам объявится вскоре, если обещал, или она что-то разузнает у Агнессы. «А вот

и она сама, собственной персоной», — сказала Алла, выглянув в окно. Возле собравшейся у входа в здание толпы стояла их начальница, не в обычной своей одежде, а вся при параде, в великолепном чёрном костюме, с бархатной красной подушечкой в руках, на которой поблёскивали новенькие ножницы. Сейчас она торжественно перережет ленточку перед входом — и конец их мукам, подумала Лена. Девчонки вышли на балкон, радостно смеясь, и лишь они с Аллой одни не улыбались: Лена от волнения за Алексея, а её подруга из-за привычки лишний раз не демонстрировать своей улыбки.

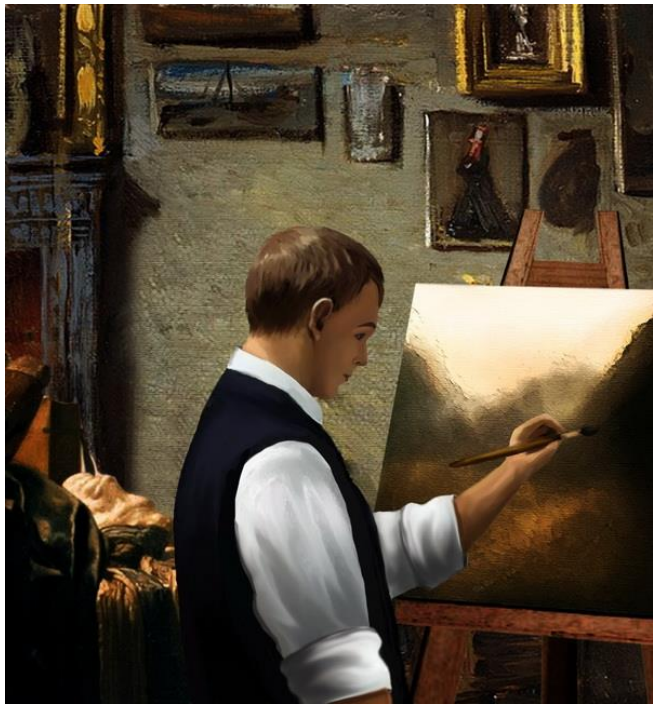
И вот в комнату вбежала одна из бригадирш. Она протянула Лене листок с расчётом, с которым надо было идти в бухгалтерию. Вот так обыденно закончилась эта жизнь и наступил долгожданный момент перехода к свободе, подумала Лена, спешно спускаясь вниз по ступенькам. Голова кружилась то ли от выпитого шампанского, то ли от волнения, дыхание перехватывало и от радости, и от быстрого спуска. Двор перед домом был уже пуст — наверное, все ушли на банкет в честь сдачи объекта. Она быстро пробежала по нему. Ноги сами несли её мимо вагончиков, в самый край лагеря, где была бухгалтерия. А мысли лихорадочно неслись уже в будущее, предвкушая и близкую встречу с любимым, и исполнения их надежд и желаний.

Вдруг налетевший ниоткуда порыв ветра вырвал из рук тоненький расчётный листок и швырнул за спину. Лена обернулась. Глаза уже не стали искать упорхнувший листок, а в оцепенении уставились в одну точку: огибая вагончики, за ней брели по пятам Марина и несколько других бригадирш. Они тяжело дышали, открывая рты, едва поспевая за ней. Лица их были искажены жуткими гримасами какого-то нечеловеческого удовольствия. В руках они держали какие-то железные куски арматуры. У Марины же в руках был увесистый стальной лом. Он поблёскивал на солнце своей заострённой пикой. И тут Лена поняла всё — они идут убивать её!

«Ну что, глупышка, теперь тебе всё стало ясно», — крикнула, захлёбываясь, Марина, давая понять, что пощады не будет. В ужасе закрыв лицо руками, она стала пятиться назад, ощутив под ногами мягкую землю, она оглянулась. На том месте, где раньше была бухгалтерия, вместо вагончика зияла огромная яма, вернее, свежевырытый котлован, на дне которого виднелось какое-то разбитое окровавленное тело. Сдавило горло, но, справившись со страхом, она стала смотреть прямо в глаза своим убийцам, медленно приближавшимся к ней. Она так просто не сдастся им! Но то, что открылось Лене в последнюю секунду, не поддавалось никакому

описанию: зазвенело в ушах, и будто какая-то пелена спала с её глаз — грязные уродливые чудовища из её кошмарных снов стояли перед ней на месте её преследователей. За ними виднелись не красивые аккуратные вагончики с пёстрыми занавесками на окнах, а страшные грязные и потрескавшиеся. Окна были занавешены рваными вылинявшими тряпками, засиженными мухами. Вот она, реальная обстановка, в которой они жили всё это время... Ёе сны — они были настоящим, а всё остальное — зомбированный бред! А её начальница со своими пособницами — всего лишь ловцы душ «у черты». Они на два года продлили предсмертную агонию её и таких же несчастных неудачников, как и она. Зачем? Почему?! Ответа не было. Вот только новый дом, прекрасный, построенный ими всеми, весело поблёскивающий на солнце своими металлопластиковыми девственными окнами, был настоящим. Это и было, наверное, то последнее, ради чего были задержаны они на целых два года в этом мире. Это всё, что она оставит на земле после своего нелепого пребывания. А вот и она, черта, — надо только расставить руки и шагнуть...

Портрет

«Маленькая» Ниночка радовалась, или скорее умела радоваться, всему: и первому весеннему солнцу, и первой травинке, что проросла из-под талого снега, и этому последнему снегу, что неизменно таял, так как весна бурно вступала в

свои права. Ей казалось, что жизнь дарит только счастье, а замечать неприятности просто не стоит. Конечно, весеннее настроение, когда в связи с пробуждением природы переизбыток адреналина бушует в крови, и позволяло ей ощущать это счастье. Но у неё был такой весёлый и жизнерадостный характер, что этот восторг неизменно переходил и на всех окружающих. За это её любили и сокурсники, и педагоги ее родного медицинского училища.

Ниночка была оптимисткой, и все тянулись к ней. К тому же, она была человеком очень добрым, и каждый хотел понежиться в лучах этой невидимой положительной энергии, что исходила от неё. «Маленькой» её называли в училище из-за небольшого роста. Она радовала учителей своей старательностью и аккуратностью, что было немаловажным качеством в её будущей профессии медсестры, а подруги немного ревновали её одна к другой и, конечно, завидовали, но не столько ее положительным качествам, сколько прекрасному её облику. Её нельзя было назвать красавицей — невысокая, хрупкая, обычная девушка. Только вот лицо никак не соответствовало её характеру и натуре. Лицо можно было по-киношному назвать «лицом героини» — до того оно было безупречным и красивым. На бледном мраморном личике прекрасные большие карие глаза, изогнутые,

причудливо тоненькие, как ниточка, брови, маленький пухленький ротик, словно лепесток розы. Прекрасный нежный овал лица обрамляли чёрные и густые волосы, заплетенные в тяжёлую косу. Эту косу Ниночка сразу решила отрезать, как только переступила порог училища, но девчонки, что жили с ней в одной комнате в общежитии, не дали при них лишиться этой красоты, отобрав ножницы, и отправили совершать это грязное дело в парикмахерскую. Но туда Нина так и не собралась: быстро начались занятия, которые поглотили её всю, а потом то, что не свершилось сразу, так и осталось в проекте. А пока все могли любоваться и её волосами, которые она распускала по вечерам, и лицом, называя её то ведьмой, то русалкой. Время учёбы текло быстро и интересно. Многие девчонки уже кавалерами обзавелись, некоторые даже замуж повыскакивали, и только Ниночка никому из окружающих её поклонников так и не отдавала предпочтения: ждала то ли «принца», то ли большой любви. Но, окончив медицинское училище и получив направление в маленький городок, она уехала без горечи расставания с кем-то близким, без тоски по утраченному счастью, а скорее с восторгом ожидания чего-то нового и более значимого.

Больница, куда её направили, была большая, областного значения, но городок был довольно

маленький, приютившийся на самом севере Украины. Вокруг были леса с болотистой местностью, так что как бы не палило летом солнце, воздух всегда был наполнен влагой и свежестью хвойных ароматов, исходивших от больших сосновых массивов вокруг. В городке была лишь школа, автобусная станция да огромный Дом культуры, построенный ещё в сталинские времена, с причудливыми колоннами и резными потолками, покрытыми потрескавшейся от времени лепкой. Вот и все достопримечательности. А ещё старый тенистый парк возле автостанции — часть дореволюционного имени какой-то барыни. Обо всём этом поведала ей одна из местных жительниц, пока они ехали с ней до городка в трясущемся автобусе.

Ниночку радостно приняли в новом коллективе и поселили тут же, в больнице, пока не найдётся ей квартира. Как выяснилось позже, некоторые корпуса этой больницы и были сохранившимися островками имени всё той же забытой барыни, с некоторыми атрибутами былой роскоши, оставшейся от великолепия богатой в прошлом усадьбы. Кое-где потемневшие картины и гобелены украшали местами облупившиеся стены, расписные потолки удивляли своей высотой и количеством амуров, направлявших в разные стороны свои стрелы. Сохранился даже огромный

старинный камин, украшенный кое-где уцелевшими изразцами, находившийся в комнате отдыха. Здесь стоял телевизор и несколько десятков стульев, некоторые из которых выделялись размерами и изяществом старой эпохи. Ниночка, выросшая в обычной квартире большого города, в тесноте хрущёвской постройки, с затаённым восторгом входила в эти корпуса. Она тихонько ступала по узорчатым паркетным полам, чтобы, не переставая любоваться и восхищаться чудом сохранившейся музейной роскоши, не нарушить строгий покой, царивший в этих огромных помещениях. Скоро она научилась так же бесшумно бегать по этим бесконечно длинным коридорам и витражным верандам, где отдыхали больные, так как работы было много, а персонала всегда не хватало. Новые впечатления и работа так навалились на юную медсестру, что та еле добиралась до своей постели в маленькой каморке и моментально засыпала здоровым глубоким сном молодости.

Так пробежала неделя, а за ней и другая. Ниночка со всеми перезнакомилась и освоилась в больничной жизни, а нянечка тётя Маша наконец подыскала ей квартиру. После дежурства, собрав в чемоданчик свои вещи, новая жилища уже стояла во дворе больницы перед своей будущей хозяйкой. То была высокая, немного грузная женщина с аккуратно зачесанными на пробор седыми

волосами, в белой и хрустящей косынке и в тёмном платье в мелкий горошек. Скрестив руки на груди и поджав подбородок, пожилая женщина свысока наблюдала за молоденькой девушкой, молчаливо её рассматривая. Потом взяла из её рук чемодан, словно это была лёгкая подушка, и, кивнув, предложила следовать за ней. Они прошли несколько улиц, здороваясь со всеми, как принято в деревнях, обходя всякую живность, пасущуюся и отдыхающую под заборами усадеб, и даже были атакованы стайкой гогочущих гусей, которых еле отогнал от них хворостиной пасущий их мальчик. На одной из улиц важные индюки перегородили им дорогу своими раздутыми до огромных размеров телами, и пришлось подождать немного, пока они выяснят между собой отношения.

Наконец они остановились возле широких зелёных ворот, за которыми возвышался большой двухэтажный дом. Вот здесь теперь она и будет жить, подумала Ниночка, переступая порог калитки. Дворик был маленький, вдали виднелся садик с несколькими уже довольно старыми деревьями, которые затеняли всё вокруг. Под деревьями — редкая травка, а возле дома — небольшая заросшая клумба, где росли одни оранжевые лилии: видать, другие цветы не выживали в такой тенистости. В дом вела небольшая каменная лестница с широкими

ступеньками, позеленевшими от мха. Везде царила сырость и запустение. Так было и в доме: неуютно и влажно. Пелагея Петровна (так звали хозяйку) проводила Ниночку в ее просторную комнату на втором этаже, которая была меблирована массивной мебелью из красного дерева. На полу посередине комнаты была простелена зеленая дорожка. В комнате было чисто и на удивление хорошо. Было заметно, что хозяйка тщательно готовилась и хотела, чтобы квартирантке у неё сразу понравилось. «Отдыхайте, располагайтесь, милочка, и выходите пить чай с вареньем», — пригласила хозяйка удивительно нежным голосом, не соответствующим её грозному виду, и оставила девушку одну освоиться в новой обстановке.

Ниночка лежала под раскидистой яблоней в саду на пушистом тюфяке, набитом душистым сеном. Она писала письмо родным, как она хорошо устроилась здесь, на новом месте: и на работе, и на квартире, где за короткий срок пребывания ей уже кажется, что жила она в этом доме всегда и бегала по этой травке своими ещё маленькими босыми ножками. Здесь все ей кажется удивительно знакомым — даже скрип половиц и звон посуды на кухне. Пелагея Петровна, что взяла её на квартиру по просьбе больничной нянечки тёти Маши, оказалась добрейшим человеком. Она была дальней родственницей тёти Маши и очень одинокой — её

единственный сын бывал в доме редко. Когда учился в институте, то только на каникулах, потом, когда выучился на художника, приезжал иногда на этюды, а теперь и вовсе стал забывать старуху. Слышала Нина краем уха, как жаловалась хозяйка соседке, что и не рисует он теперь вовсе, а больше скупает и продаёт картины. И на что только были затрачены её силы и столько переведено денег? Не вышло из любимого чада ничего путного — ни художника на радость людям, ни мужа, ни отца. Так что сынок и не женат, поняла она, да к тому же и староват — ему лет сорок, наверное...

Время шло. Днём была работа, а по вечерам — приятное чаепитие с хозяйкой в беседах о прошедшем дне и разных новостях. Любила Ниночка и просто бродить по дому, рассматривая немислимое количество разных безделиц и игрушек из фарфора и глины, что заполняли собой все свободные пространства на буфетах, шкафах, подоконниках и даже оккупировали старенькое громоздкое пианино. Пелагея Петровна с детства ещё питала любовь к этим безделушкам и собирала их всю жизнь. Интересны своим содержимым были не только комнаты, но даже кухня, где висели медные тазы и сковородки, стояла горками посуда, доставшаяся в наследство ещё от прабабки. Хозяйка охотно рассказывала по вечерам о своих давно умерших родственниках разные истории.